B33 565

32.1.31
4.32.12

А. ЕЛЬНИЦКИЙ

В33565

1 МАЯ В РОССИИ

КНИГА
ЧИТАЛЬНОГО
ЗАЛА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ"

ПРОВЕРЕНО

9 : 323 . 2 : 327 . 31 (47) (023)

432-12°

А. ЕЛЬНИЦКИЙ

В33 565

ПЕРВОЕ МАЯ В РОССИИ

84/1

ПРОВЕРЕНО 1936 г.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА им. В. И. Ленина имени К. Ленинекта.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“
1925

Типо-цинкография
„ПРОЛЕТАРИЙ“
Харьков, Пушкинская ул., № 40

821086

Укрглавлит № 12988 Зак. № 573 Тир. 10.000

Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром
Пусть наш голос грянет разом,
Как весенний первый гром.

(Из майской песни рабочих).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Первое мая—праздник пролетарской солидарности. Это—день протеста всемирного пролетариата против всех видов гнета и эксплоатации.

В этот день рабочие всего мира дают друг другу клятву бороться до полной победы. В этот день миллионы рабочих всех стран, при стройном пении гимна свободы, собираются под красные знамена; густыми толпами окружают они своих вождей и здесь узнают об успехах, какие сделало за истекший год рабочее движение, о том, как развивается оно и вширь и вглубь, как неудержимо растут силы пролетариата и его сознание, все выше и выше поднимающееся.

Этот день является праздником грядущей победы над старым, одряхлевшим миром эксплоатации человека человеком.

Идея майского праздника зародилась в рядах североамериканского пролетариата. Еще в 1886 году его борьба достигла чрезвычайного революционного напряжения. В самый разгар массового движения за установление восьмичасового рабочего дня было решено об'явить всеобщую стачку, организовать многолюдные митинги и демонстрации, чтобы заставить буржуазию признать за рабочими право на 8 часов сна и 8 часов отдыха. Десятки тысяч североамериканских рабочих приняли участие в этой стачке,

и многим из них удалось добиться своих требований. В 1888 году конгресс „Американской федерации труда“, заседавший в Сан-Луи, признал целесообразность этого метода борьбы и назначил на 1 мая всеобщую демонстрацию за ограничение рабочего дня 8 часами.

Следующий 1889 год был столетней годовщиной Великой Французской Революции, столетием побед буржуазии. В центре Франции, в Париже, по этому поводу была устроена всемирная выставка, как показательная сторона блестящего прогресса, силы и власти капитала. Здесь были собраны чудеса всего света, созданные руками рабочего люда. В огромных, богато разукрашенных залах павильонов, загроможденных колоссальными машинами, грудами драгоценных материй, произведениями искусства и всякого рода безделушками, стоившими таких колоссальных затрат труда, толпились праздные люди — представители всемогущего капитала.

В это же время в одной из скромных зал того же Парижа, вдали от шума выставки, собрались и представители сознательного пролетариата. Их привело сюда стремление об'единить усилия рабочих каждой отдельной нации узами братской солидарности. С утра до вечера обсуждали они положение рабочего класса, который собственными усилиями создал все те богатства, которыми гордилась буржуазия, а сам в награду за труд был обречен на вырождение, потерю сил и здоровья, а то и просто голодную смерть.

Одной из мер, способных парализовать влияние этих социальных недугов и подготовить об'единения трудящихся масс всего мира, конгресс признал между-

народную майскую демонстрацию. Конгресс постановил, чтобы рабочие всех стран организовали 1 мая 1890 года „большую международную манифестацию“ и пред'явили требование об уменьшении законодательным путем рабочего дня до 8 часов, уничтожении постоянных армий, замене их народным ополчением, в целях установления общего мира между народами, а также об исполнении других постановлений Парижского международного социалистического конгресса. Рабочим отдельных наций предоставлялось при этом выполнить эту манифестацию так, как это будет указано им особыми условиями их страны.

Этот призыв конгресса нашел могучий отклик в среде пролетариата большинства государств. Рабочие Австрии, Бельгии, Испании, Франции и Северной Америки отпраздновали 1 мая 1890 года прекращением работ. Только в Германии, несмотря на приподнятое настроение рабочих масс, одержавших перед тем две крупные победы—пал исключительный закон против социалистов, и на выборах за с.-демократических депутатов было подано 1.500.000 голосов — майское празднество прошло не совсем дружно. Да в Англии рабочие решили перенести его на ближайшее воскресенье.

С тех пор число рабочих, празднующих 1 мая, растет из года в год во всех частях света, а этот день стал целью, связывающей пролетариат всего мира в новый могучий интернационал.

Этому новому об'единению рабочих, возникшему на место первого погибшего интернационала, организованного еще К. Марксом, предшествовало небывалое обострение классовой борьбы в 90 годах прошлого века, которое сменило собой затишье

предыдущего десятилетия, хоронившего несбывшиеся надежды Парижской Коммуны. Это обострение пролетарской борьбы сказалось в бурных кровавых демонстрациях в Англии и в Соединенных Штатах; во Франции и в Бельгии оно вылилось в крупных стачках; в Германии—в небывалый рост рабочей партии, закалявшей свои силы под тяжелыми ударами исключительного закона против социалистов. Даже в России эти годы ознаменовались упорной борьбой рабочих против непосильного гнета.

Этот размах рабочего движения, перераставшего национальные рамки, требовал для себя новых форм, так как оставаться в старых ему уже было тесно. Парижский конгресс 1889 года и был первой попыткой в этом направлении. Первомайский праздник, назначенный первоначально на один год, прочно привился в пролетарской среде и был окончательно установлен последующими социалистическими конгрессами. „Международное празднование 1 мая,—говорится по этому поводу в резолюции Брюссельского международного конгресса 1891 года,—одновременно посвящено принципу 8 часов, регламентации труда и всемирному укреплению пролетариата в его стремлении утвердить мир между народами.

Конгресс, чтобы сохранить за 1 мая его истинный социальный характер требования восьмичасового рабочего дня и укрепления классовой борьбы, устанавливает единую демонстрацию для рабочих всех стран. Эта демонстрация назначается на 1 мая; рекомендуется прекращение работ там, где это исполнимо.

Еще более решительно высказался Цюрихский конгресс 1893 г. „Манифестация 1 мая,—гласит его

резолюция,—за восьмичасовый рабочий день должна в то же время усилить в каждой стране могучую волю рабочего класса, укрепить надежду на приближение социального переворота и на достижение интересов национального мира".

Наконец, Парижский социалистический конгресс 1900 г. по вопросу о манифестации 1 мая заявил, что он присоединяется к постановлению предыдущих международных конгрессов и полагает, что манифестация 1 мая есть наиболее целесообразное демонстративное требование 8-часового рабочего дня, а прекращение работ, по его мнению, наиболее действительная форма демонстрации.

К моменту первой русской революции (1905 г.) не мало поражений, но еще более побед выпало на долю международного социализма. Он окончательно окреп в этой продолжительной борьбе и его ветви могуче раскинулись по всему лицу земного шара. За это время более чем удвоились силы германской социал-демократии; бельгийский и австрийский пролетариат сложились в прочные партии. После продолжительных внутренних неурядиц об'единился французский пролетариат; выросла и окрепла итальянская соц.-демократия, а вслед за ней, догоняя одна другую, возникли и укрепили свои позиции политическими завоеваниями рабочие партии Венгрии, Голландии, Дании, Швеции и Балканских государств. Очнулся от своей спячки английский пролетариат и снова стал на путь широкой классовой борьбы. В России героическая борьба пролетариата, стоившая ему десяток тысяч жизней, привела к падению абсолютизма и эхо ее разнеслось по всему миру, окрыляя пролетариев всех страх новыми надеждами. Быстрыми шагами

прокладывал себе путь пролетариат в Америке: в Соединенных Штатах сложилась сильная социалистическая партия, а в Южной Америке 1904 год принес первую победу социалистической партии в Аргентине.

Он проник, наконец, в Японию и Китай и, таким образом, плотным кольцом охватил весь земной шар. Всюду, куда проникал капитализм, следом за ним огненными языками распространялся и социализм.

В условиях русской жизни, при господстве самодержавного режима, беспощадно подавлявшего всякое проявление общественности и жестоко каравшего за одну попытку создания рабочих организаций, участию рабочих масс в праздновании первого мая, установленного на Парижском социалистическом конгрессе в 1889 г. в качестве праздника пролетарской солидарности и дня протеста всего мирового пролетариата против всех видов гнета и эксплоатации,— суждено было сыграть очень большую роль.

Условия самодержавного режима чуть ли не с первых же шагов и попыток русского пролетариата присоединиться к празднованию 1 мая стали превращать этот день в акт серьезной политической борьбы. Правительство каждый год усиленно готовилось к этому дню, отмечая его массовым количеством обысков и арестов по всей стране.

Но стремление русского рабочего класса проявить свою солидарность с пролетариатом всего мира было настолько сильно, что его не могли приостановить никакие преследования. Празднование 1 мая в России

началось уже со следующего года после его установления Парижским международным конгрессом.

Первым откликнулся на призыв конгресса пролетариат Польши, посылавший на этот конгресс своего представителя—каменщика Владислава Ангельского—и отпраздновавший этот день забастовкой в Варшаве, Лодзи и в ряде других городов. Уже за несколько недель до 1 мая революционная польская организация „Пролетариат" начала агитацию среди рабочих масс за участие в международном празднике рабочих. По фабрикам и мастерским начались оживленные разговоры на эту тему, и рабочие с интересом следили за всеми газетными известиями о подготовке к этому дню на Западе. Около 10.000 рабочих Царства Польского приняли участие в праздновании первого мая в 1890 г. Местами бастовали целые фабрики, в остальных работу прекратила только часть рабочих. Были, наконец, случаи, когда рабочие требовали, чтобы работа была прекращена всей фабрикой, и только вмешательство полиции помешало им привести это в исполнение.

Организацией „Пролетариата", в связи с 1 мая, были изданы две прокламации; одна на польском языке в Варшаве и вторая на немецком языке в Лодзи. „Стыдно тем, кто замедлит протянуть руку для общего братского пожатия рабочих всего мира. Выступайте дружно! „Смело, братья, все разом!"—заканчивалась одна из этих прокламаций.

Еще больших размеров достигло празднование первого мая рабочими Царства Польского в следующем году. В одной Варшаве в этот день прекратили работу от 10 — 20.000 чел. рабочих. Рабочие собирались группами на улицах и оживленно обсуждали

результаты забастовки. Полиция неистовствовала во всю, выхватывая отдельных вожаков движения и стремясь разбить остальных рабочих по фабрикам. Точно также и в г. Лодзи забастовка рабочих в этот день прошла довольно внушительно, и на одной фабрике Познанского прекратило работу до 3.000 человек. Рабочие этой фабрики подверглись избиению нагайками.

Революционными организациями Царства Польского к 1 мая был издан ряд листовок и брошюр, и в том числе была переиздана статья Г. В. Плеханова „Международный праздник рабочих 1 мая".

Приняли участие в праздновании и остальные промышленные центры Польши, а в Жирардове это празднование ознаменовалось даже кровавым столкновением с войсками и казаками. Подготовка к 1 мая в Жирардове в этом году велась очень интенсивно. Весь город буквально был засыпан листовками, как местными, так и варшавскими, с призывом к борьбе за 8-часовый рабочий день и к празднованию 1 мая.

Сперва работу бросили только постоянные рабочие фабрик, но затем к ним присоединились и все остальные. Администрация попыталась прекратить стачку, загнав рабочих по фабрикам, но эта мера оказалась безрезультатной. Рабочие упорно продолжали настаивать на выставленных требованиях и даже начали местами оказывать сопротивление полиции и войскам. В ответ на разгон нагайками из толпы рабочих полетели камни и раздались отдельные револьверные выстрелы. Войска ответили на них уже залпами, в результате которых несколько человек рабочих осталось на месте, а десятки их были тяжело ранены. Вслед затем на место происшествия прибыл

варшавский губернатор, и началась дикая расправа с забастовщиками. Рабочих сотнями арестовывали, подвергали диким избиениям, прогоняя сквозь строй казаков, которые, будучи подпоены администрацией фабрик, нещадно избивали их нагайками. Многие из рабочих не могли вынести этой дикой расправы и заболевали психически. Около 300 чел. подверглись аресту и затем были высланы на родину.

В остальной России раньше других праздновать 1 мая начали петербургские рабочие. Уже в 1891 г., т. е. всего два года спустя после Парижского конгресса, на котором был установлен этот праздник, удалось устроить тайное совещание, на котором присутствовало до 300 рабочих. Четырьмя из них*) были произнесены речи, выяснившие важность и значение этого праздника, те требования, которые должны в этот день выставлять рабочие России, и намечавшие те практические шаги, которые, по их мнению, диктовались дальнейшим поступательным ходом движения. Это было время кружковщины, и печать ее сильно отразилась на речах ораторов. Так, например, один из них призывал товарищей „по мере сил и способностей развивать окружающих".

Еще более определенно говорил другой оратор: „.... чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее, нам необходимо как можно более стараться умственно и нравственно развивать себя и других и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас, как на людей честных и сильных, и потому с большим доверием относились бы к нам и ставили бы нас

*) Эти рабочие были: Н. Д. Богданов, В. Прошин, Е. Афанасьев и Диннер.

в пример себе и другим... Следовательно, успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии; и потому, товарищи, наш долг, как честных и развитых людей, приготовить из себя и из подходящих для того людей опытных пропагандистов и организаторов в социально-революционном деле и энергичных борцов за право человека и светлое будущее" *).

Из приведенных отрывков ясно видно, как медленно развивалось в то время рабочее движение, но вера в его окончательную победу и тогда уже одушевляла его участников: „Нам стоит только,— говорил на том же самом собрании другой оратор, рабочий Н. Богданов; вооружить себя сильным оружием, а это оружие есть знание исторических законов развития человечества; нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага: никакие его притеснения и высылка на родину, заточение нас в тюрьмы и даже высылка в Сибирь не отнимут у нас этого оружия. Мы всюду найдем поле победы, всюду будем передавать свое знание: на родине своим крестьянам, а в тюрьмах будем об'яснять арестантам, что они тоже люди и имеют все человеческие права: чтобы они сознавали эти права, передавали свои знания другим и организовывали их в группы. В этом залог нашего успеха **).

„Братья!—говорил рабочий Афанасьев,—хорошо, что мы тоже начинаем пробуждаться от векового сна под гнетом барского, поповского и царского рабства, и это уже есть доля, внесенная русскими работниками

*) Первое мая 1891 года. Четыре речи рабочих. Ж. 1892 года стр. 12—13.

**) Ibid, стр. 1—2.

в общий прогресс. Да ведь, товарищи, сразу ничего не делается в мире, а все совершается по определенным законам природы... Нам будет не легко улучшить свое положение под разгулом деспотической реакции, которая будет нас преследовать на каждом шагу. Товарищи! Трудно нам будет, но наука освободила западных рабочих, она поможет и нам просветить умы наши и наполнить души наши светлой, истинной любовью друг к другу...

„Будем, друзья, бороться за истину, не отступим шага назад до самой своей смертной агонии, за правду, за равенство, братство, свободу! Будем учиться об'единяться сами и, товарищи, будем организовываться в сильную партию!.. Будем, братья, сеять это великое семя с восхода до захода солнца во всех уголках нашей русской земли".

Ясно и определенно умели рабочие формулировать свои политические требования и понимали их связь с борьбой за социализм.

„...Чтобы улучшить наше положение, мы должны стремиться к замене существующего экономического строя, дающего широкий простор для произвольной кулаческой эксплоатации, на более лучший и справедливый социалистический строй. Но для того, чтобы осуществить на деле такой экономический порядок, нам необходимо приобрести политические права, которых в настоящее время мы не имеем. Приобрести же политические права мы будем иметь возможность лишь только тогда, когда на нашей стороне будет такая организованная сила, которой правительство не решилось бы отказать в ее требованиях и которая бы настойчиво требовала от него следующих уступок: 1) учреждения конституции, основанной

на общем и прямом избирательном праве, т. е., чтобы все законы страны утверждались и отменялись не по дикому произволу, а по обсуждении их высшим законодательным собранием, в котором заседали бы избранные народом депутаты. 2) Нужно, чтобы число войск определялось собранием депутатов, и чтобы по их постановлению войска во всякое время могли быть распущенными. А для того, чтобы солдаты не забывали, что они тот же народ, и что интересы народа солидарны с их интересами, нужно сократить, насколько возможно, срок военной службы и сделать так, чтобы граждане отбывали ее на родине и во время отбывания ее имели бы возможность вести тесные сношения с семьей. Это необходимо для того, чтобы правительство не имело возможности принуждать граждан силою войск исполнять законы, не утвержденные или отмененные собранием депутатов. Для того же, чтобы все постановления законодательного собрания исполнялись в точности, необходимо, чтобы лица на все высшие государственные должности назначались и смещались только собранием депутатов. 3) Свободу избирательной агитации, свободу слова и свободу печати, т. е. совершенное отсутствие всякой цензуры, чтобы всякий мог безнаказанно выражать на словах и в печати какие бы то ни было убеждения, а также чтобы не существовало никаких залогов при издании книг и журналов; это необходимо, чтобы издавать их имели возможность и рабочие. 4) Свободу сходок и организаций. 5) Свободу религий. 6) Бесплатное широкое образование для народа. 7) Чтобы всякого рода преступления разбирались судом присяжных.

„Не забудьте, товарищи, эти требования, потому что это первые и главнейшие, которые мы должны будем пред'явить правительству при первой возможности..."*).

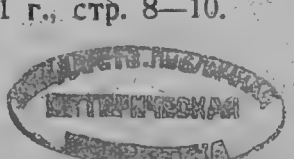
Конечно, эта ясность требований была в то время у очень немногих рабочих: на весь Петербург нашлось всего 200—300 человек, которых об'единило сознание мертвящего гнета окружающих условий и стремление так или иначе проявить свою солидарность с борющимся пролетариатом всего мира. Пролетариат в своей массе еще политически спал в столице России и оставался равнодушен к демонстрации своих товарищей. Но зато на окраинах России уже загоралась борьба и в нее вовлекались все большие и большие массы рабочих.

В следующем году к празднованию примкнул еврейский пролетариат. В одном из крупных центров Западного края этот день был отпразднован небольшим собранием в 100 человек. Здесь также рабочими произносились речи, из которых ясно видно, что в ту пору и движение еврейского пролетариата, подобно пролетариату петербургскому, продолжало носить характер кружковой пропаганды идей социализма.

„Мы не можем сидеть сложа руки,—говорил на этом собрании один из ораторов, выяснив слушателям всю беспросветность своего положения и нарисовав перед ними яркую картину царящего над еврейским пролетариатом гнета,—мы не можем сидеть сложа руки и ждать помощи сверху: *только от нас самих зависит наше освобождение и спасение.*

„По мере возможности, каждый должен стараться учить и себя и других, и, таким образом, способство-

*) Первое мая 1891 г., стр. 8—10.



вать образованию на первых порах хоть маленьких кружков" *).

Но, наряду с этим, перед еврейскими рабочими вырисовывались и другие, более широкие горизонты. Их революционная мысль уже рвалась из душной атмосферы кружков на простор агитационной деятельности. Это ясно видно из следующего отрывка речи одного из ораторов, пытавшегося наметить первые еще робкие шаги в новом направлении работы. „Чаша переполнилась — дальше продолжаться так не может. Наша покорность и безропотность ни к чему не поведут, — мирным путем мы ничего не сделаем. Мы должны бороться с нашими врагами. Но, конечно, каждый человек должен измерять свои силы, он не должен браться за то, чего он не в состоянии делать... поэтому мы должны бороться с нашими ближайшими врагами, с которыми нам приходится сталкиваться каждый день, а именно — с нашими хозяевами. Первым условием для успешной борьбы должна быть полнейшая солидарность между всеми рабочими: интересы одного должны быть интересами всех, и наоборот. Чтобы не было между нами такой разрозненности, чтобы об'единиться — мы должны устраивать частые сходки, собрания рабочих. Все должны стараться основать кассы и заботиться об их расширении. Мы должны устраивать стачки. Для стачек то нам и необходимы кассы, которые в это время являются единственной поддержкой **).

---

*) 1 мая 1892 г. Четыре речи еврейских рабочих. Ж. 1893 г., стр. 26.

**) 1 мая 1892 г. Четыре речи еврейских рабочих. Х. 1893 г., стр. 2—3.

Эти новые методы работы вскоре завоевали всеобщие симпатии, а завоевав, они придали начинавшейся борьбе еврейского пролетариата широкий размах. Добавим здесь кстати, что этим оратором, настаивавшим на необходимости перейти от кружковой пропаганды к широкой агитации, была еврейская работница.

Празднование 1 мая в Царстве Польском и Западном крае продолжалось из года в год. В г. Варшаве, правда, оно в 1892 г. выразилось лишь в устройстве загородных маевок, на которых присутствовало несколько сот рабочих. Организовать более внушительные протесты и забастовки в этом году польским рабочим г. Варшавы помешали серьезные аресты, произведенные среди них полицией. Но зато в г. Лодзи майские дни 1892 г. ознаменовались внушительнейшим выступлением. Развившееся вширь стачечное движение прорвалось в Лодзи с особенной силой и вылилось в грандиозное майское восстание.

Началось оно незначительной стачкой на одной из мелких фабрик из-за сокращения дня и повышения заработной платы. Стачечники с песнями прекратили работу и двинулись по другим фабрикам, провозглашая всеобщую забастовку. Число их быстро возрастало и скоро разрослось в огромную толпу, разлившуюся грозными волнами по улицам Лодзи.

Полиция и вызванные ей на помощь войска оказались совершенно бессильными парализовать разросшееся движение. На первую же попытку полиции арестовать отдельных участников, толпа ответила взрывом негодования и бросилась отбивать арестованных; в солдат и полицию полетели камни, а с их стороны раздались залпы, уложившие на месте 5 человек и многих ранившие. Однако, выстрелы

и первые жертвы ни мало не запугали рабочих; дружным натиском они обратили в бегство и полицию, и солдат. Последних в городе было всего до 4.000, и они, конечно, не смогли выдержать напора всего лодзинского пролетариата.

Победа стала склоняться на сторону рабочих; они повсюду перешли в наступление; теперь уж не рабочие, а войска принуждены были для собственной защиты строить барикады и в конце концов очистили город. Следом за ними в паническом ужасе бежали власти и хозяева фабрик, а власть над всем городом перешла в руки рабочих. Но, став господами положения, рабочие не знали, как им использовать свою победу.

Возбуждение стало быстро падать; стачечники разошлись по домам; в городе начали хозяйничать подонки общества и выпущенные из тюрем арестанты; опомнившиеся власти быстро стянули войска и вновь водворились на своих местах. Через 1—2 недели жизнь города вошла в свою обычную колею, и, казалось, ничто не напоминало, что так недавно еще на этих улицах лодзинский пролетариат проявил свою могучую силу.

Но если стачка и не дала непосредственных результатов для принимавших в ней участие рабочих, то воспитательное ее значение для всего польского пролетариата было огромно. Он быстро вырос политически и сложился в грозную силу, о которую, как мы уже указывали, разбивались все усилия его врагов воспрепятствовать майским выступлениям.

В остальной России слухи о лодзинской стачке также распространились очень широко и служили наглядной иллюстрацией той силы, которую таит в себе промышленный пролетариат. На нее откликнулись,

между прочим, организованные рабочие Петербурга, приславшие своим польским товарищам следующее открытое письмо:

„Друзья и братья!—писали петербургские рабочие,—с биением сердца мы, ваши товарищи с далекой Невы, из этой столицы мрака, рабства и угнетения, из этого логовища царя-деспота, страшного врага всего того, что добро, правда, прогресс; того царя, который вместе с барами, попами и полицией сотни лет держал нас в рабстве, который вот уже сто лет сдерживает прогресс вашей бедной родины и освободил вас от ваших панов только за тем, чтобы отдать вас в руки капиталистови фабрикантов, по требованию которых высылают против вас целые полки солдат и казаков, из этой столицы царя-изверга шлем вам, братья, польские рабочие Лодзи и других городов, свой горячий привет от глубины души и сочувствие в вашей борьбе с этим подлым капиталистическим строем".

Под влиянием борьбы польского и еврейского пролетариата, к первомайскому празднику в 1893 г. примкнул и литовский пролетариат, и это празднество быстро приняло массовый характер. В 1895 г. было уже третье по счету майское празднество, а в следующем году сконструировалась „Литовская рабочая партия", ставшая под знамя социал-демократии, и 1 мая было отпраздновано многолюдными собраниями и манифестациями сотен рабочих, открыто заявлявших свои политические требования.

Постепенно из года в год к празднованию 1 мая начинают примыкать рабочие в разных концах России. Уже в 1895 г. этот праздник устраивается в Вильне, Варшаве, Минске и Сморгони. На нем присутствуют

сотни организованных рабочих; на красных знаменах, под которыми они собираются, выставлены их требования.

В следующем году первомайское торжество прошло еще более дружно и оживленно. Этот праздник был отпразднован во всех городах, где только успело зародиться еврейское рабочее движение. В Минске на нем присутствуют 300 из 1.000 организованных рабочих; в Вильне празднуют этот день 540 человек, разбившись на три отдельных собрания, по 180 человек каждое. На знаменах — политические требования, а речи ораторов, раз'ясняющие их, горячо приветствуются всеми присутствующими.

В 1897 г. майские празднества прошли еще более революционно. Тысячами разбрасывались прокламации и листовки, раз'яснявшие значение первомайского праздника и призывавшие принимать в нем участие; всюду, где можно, были устроены собрания; все это страшно наэлектризовывало еврейских пролетариев, и они всюду волновались. Особенно сильно сказывалось это возбужденное настроение в Вильне, где вся полиция и жандармерия в день 1 мая были на ногах, а власти так перепугались, что поспешили даже стянуть войска. Тогдашний виленский губернатор так растерялся, что, не зная, что предпринять, стал угрожать еврейским погромом, в случае, если они будут продолжать свою преступную деятельность.

Начиная с 1898 г., в Северо-Западном крае начались первомайские демонстрации и частичные забастовки. Так, в 1898 г. была устроена первая демонстрация, число участников которой не превышало 300 чел.; в 1899 г. — 2 демонстрации с общим числом участников в 1.800 чел.; в 1900 г. — 4, и в них приняло участие

до 4.000 рабочих; в 1901 г. отметим 2 демонстрации в Вильне: первая была устроена исключительно еврейскими рабочими, число ее участников достигло 600 чел., а вторая — сообща польскими и еврейскими рабочими; в этом же году демонстрации еврейских рабочих были в Вильковышках, Креславке (Витебской губ.) и Гомеле, а в Варшаве, Ковне и Сморгони еврейские рабочие манифестировали совместно с польскими товарищами.

Так же быстро распространялась и идея первомайской забастовки. В 1889 г. 1 мая не работали только в некоторых местах, и по преимуществу рабочие щетинного производства, как наиболее сплоченные и солидарные. Большинству же сознательных рабочих бросить работу в этот день не удалось, так как вся остальная масса не прекращала работ, и они сами поэтому, оставляя работу, рисковали подвергнуться сильным преследованиям со стороны хозяев и полиции, но постепенно количество рабочих, прекращавших работу в этот день, возросло: в 1900 г., в г. Витебске 1 мая ознаменовалось всеобщей стачкой, а в следующем 1901 г. по всему Северо-Западному краю уже не работало значительное количество рабочих.

Еще более дружно проходило празднование 1 мая в губерниях Царства Польского, где еврейский пролетариат встречал такого союзника, как закаленные продолжительной борьбой польские рабочие. Здесь выступления рабочих часто принимали прямо грандиозный характер. Так, например, в варшавской демонстрации 1 мая 1900 г. приняло участие до 20.000 рабочих. Стройными рядами под звуки „Красного Знамени“ и „Варшавянки“ прошлись они по

улицам города, несмотря на неистовства полиции и казаков. Такая же внушительная манифестация произошла в Домброво.

Но чем больше ширилось рабочее движение, тем все труднее обставлялось празднование 1 мая. Администрация, понявшая не хуже самих социалистов, каким прекрасным агитационным средством является это празднество в душной атмосфере гнета и бесправия, напрягала все силы, чтобы тем или иным способом помешать его осуществлению. Но зато и призывы соц.-демократических организаций из года в год приобретали все более боевой тон. Так, в прокламации к 1 мая 1902 г., выпущенной по постановлению созванной в марте этого года общерусской конференции, говорилось: „Покажем же всем желающим свободы, что мы готовы добывать ее с боя, что мы намерены бороться за нее до последней капли крови. Помните, что от числа участников зависит успех демонстрации. Сотни лиц разгонит полиция, с тысячами справится вооруженная сила, но против десятков тысяч бессильно царское воинство. Самодержавие идет к своей гибели. Близок час расплаты за все его вековые грехи против народа, против России... Да здравствует Российская социал-демократия! Да здравствует 8-часовый рабочий день! Да здравствует политическая свобода! Долой самодержавие!“.

Не говоря уже о бесчисленных массовых арестах и облавах, которые всегда предшествовали этому дню, в самые майские дни (т. е. с 18 апреля по 1 мая), каждый сколько-нибудь значительный промышленный центр представлял вид осажденного города: по улицам сновали патрули, чуть ли не из каждой подворотни выглядывали городовые и казаки, шныряли

агенты охранных отделенний; при первой же попытке манифестации все это с гиканьем и свистом набрасывалось на „крамолу“; в дело пускались нагайки, шашки, штыки и пули.

Но и этого всего оказалось недостаточно, чтобы остановить поступательный ход рабочего движения, и в 1902 г. в г. Вильне и некоторых других местах был применен новый способ расправы с демонстрантами — розги. В Вильне эта дикая экзекуция была произведена над несколькими десятками демонстрантов, захваченных полицией. Собственно говоря, настоящая уличная демонстрация в этот день рабочим не удалась, так как весь город был буквально наводнен войсками, казаками и полицией, дворники с утра дежурили у ворот, готовые в решительную минуту оказать помощь полиции.

Под вечер губернатор фон-Валь самолично об'ехал улицы города под охраной полусотни казаков, чтобы убедиться, что все меры приняты. На каждом углу помимо городовых стояли околодочные, дефилировали конные патрули, пехота и казаки были собраны возле самых людных улиц. Казалось, никакой демонстрации не будет; но вот несколько смельчаков с красными флагами в руках отскочили на середину улицы, один из них успел крикнуть: „долой самодержавие! Да здравствует свобода!“ Не успели к ним на помощь подоспеть товарищи с тротуаров, как они были сбиты с ног; один был убит на месте. Продолжение демонстрации происходило в театре, где были разбросаны листки.

35 человек были арестованы и подвергнуты порке. Герой ее, фон-Валь, сам присутствовал при порке; засучив рукава рубахи, он ходил между избиваемыми,

издевался над их мучениями и цинично поздравлял каждую жертву „с 1 мая“. А доктор одного из учебных заведений г. Вильны своим присутствием освящал эту зверскую расправу над человеком и с хладнокровием, достойным лучшей участи, ставил диагноз, какую порцию мучений сможет вынести тот или иной демонстрант, без опасности тут же, под ударами палачей, испустить дух.

Но еврейское рабочее движение было уже достаточно зрело, что бы его можно было запугать угрозой розги. Грозным негодованием ответил пролетариат на эти попытки принизить рабочее движение, и вдохновителям русской внутренней политики пришлось изыскивать новые, более верные средства борьбы. С легкой руки фон-Плеве, начавшего свою служебную карьеру в эпоху разгрома „Народной Воли“ и погрома 80 годов, такое средство решено было взять из старого арсенала борьбы с крамолой — затопить рабочее движение в крови еврейских погромов.

Первой такой попыткой был Кишинев, в котором почва была уже достаточно подготовлена предшествующей человеконенавистнической деятельностью известного черносотенца Крушевана и К° в тесном единении с тамошним охранным отделением. Кровавая Кишиневская баня была устроена как раз перед майскими празднествами и ею, действительно, удалось на время парализовать размах рабочего движения.

Но даже и помимо таких экстраординарных средств, как погромы, в руках администрации был слишком достаточный арсенал нагаек, шашек и штыков, чтобы мешать попыткам проявления пролетарской солидарсности. Уже 1902 г. подготовка администрации к 1 мая достигла таких размеров, что,

собственно говоря, была не демонстрация рабочих, а демонстрация казаков и полиции, сопровождавшаяся самой бессмысленной бойней.

Только в таких промышленных центрах, как Варшава и Лодзь, где рабочее население достигает десятков и даже сотен тысяч человек, все эти меры должны были разбиваться о стойкость и сплоченность пролетарской толпы. Здесь 1 мая вполне напомнило „заграницу". Под красное знамя социализма собирались десятки тысяч рабочих и стройными рядами под звуки рабочего гимна, проходили по улицам города, посылая проклятья царящему гнету, и своей кровью отвоевывая себе право на первомайский праздник.

Еще более быстрый рост празднование 1 мая обнаружило на Кавказе и в Прибалтийском крае. Уже 1898 г. ознаменовался в Риге частичной забастовкой в день 1 мая и одна угроза ее дальнейшего распространения заставила фабричную инспекцию поспешить с заявлением, что с 1 мая старого стиля рабочий день будет сокращен.

Еще более грандиозные формы приняло майское движение в 1899 г. Оно ознаменовалось громадной стачкой в Либаве, а в Риге привело к вооруженным столкновениям. Начавшись стачкой на джутовой фабрике, оно быстро распространилось на весь город. Улицы его были залиты рабочей кровью; было много убито, еще больше ранено. „...Вокруг наших домов,— писал один очевидец этой борьбы,— шумят, буйствуют, жгут, стреляют... казаки с нагайками бьют и неистовствуют" *). Сообщение с центром города

*) „Раб. дело" № 2—3, стр. 65.

было прекращено, даже мосты были разведены; в саду „Аркадия" собирались 7000-ные митинги, на которых рабочие обсуждали планы дальнейшей борьбы.

Дорого обошлись эти стачки латышским рабочим, но зато они быстро пробудили к сознательной политической жизни широкую рабочую массу; в несколько дней было достигнуто то, что при других условиях достается лишь усилиями многолетней мирной работы. Благодаря этому, рабочее движение в Прибалтийском крае стало прочно на ноги и его проявления принимают с этих пор все более и более угрожающий характер.

Май 1904 г. ознаменовался внушительными демонстрациями в Риги и Митаве; в обоих городах рабочие снова понесли жертвы, в Риге стреляли прямо в упор, а в Митаве полиция действовала холодным оружием; но на этот раз рабочие дали дружный отпор и число жертв со стороны полиции было значительно.

Так же быстро развивалось первомайское празднество и на Кавказе. Сюда, в погоне за быстрой капиталистической наживой, нахлынули капиталисты всех стран, и в самое короткое время главные города края превратились в крупные промышленные центры.

Социал-демократическая работа началась лишь в конце прошлого столетия, но первый же промышленный кризис 1901 года придал небывалый размах социалистической агитации и массовому рабочему движению. Капитализм создал здесь обширные кадры фабричных, портовых и железнодорожных рабочих, и эта рабочая масса, собранная, зачастую, в огромных предприятиях, об'единенная общими классовыми требованиями (несмотря на удивительную смесь племен и национальностей: напр., в Баку насчитывали в среде пролетариата представителей 24 национальностей),

эта масса показала, как настойчиво умеет русский рабочий бороться за достижение своих требований. Уже 1 мая 1901 г. в Тифлисе была устроена значительная демонстрация сразу в двух концах города. На красных знаменах демонстрантов были выставлены портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, Либкнехта; общее число участников достигло 3,000 человек.

В следующем году еще более внушительная демонстрация была устроена в Баку. По данному сигналу был пущен шар; вся, наполнявшая в этот день улицы, толпа устремилась к условленному месту. Были развернуты знамена, раздались крики, посыпались листки. При общих ликованиях и сочувствии посторонней публики, которая махала демонстрантам из окон домов, балконов и портиков крыш, и несмотря на неистовства налетевшей полиции, бакинские рабочие торжественно заявили о своей солидарности с пролетариатом всего мира. Полиции так и не удалось их разогнать, и демонстрация окончилась только тогда, когда сами рабочие стали расходиться.

Следующий майский праздник 1903 г. показал, как выросли за год силы сознательного кавказского пролетариата. Если в прошлом году на улицах Баку собралось до 5.000 рабочего люда, то в 1903 г. число демонстрантов удвоилось. Со знаменами, под звуки рабочего гимна, ходили тысячные толпы по улицам города, всюду разгоняя полицию; только появление казаков и предупредительные холостые залпы заставляли их разойтись; но, окончившись здесь, демонстрация повторялась в другом конце города; здесь уже перевес всецело остался на стороне рабочих: городовые и шпионы были основательно помяты, несмотря на содействие казаков.

Перейдем теперь к обзору первомайских празднеств, как наиболее ярких показателей роста всего рабочего движения внутри России. Будет удобнее сделать такой обзор, остановившись отдельно на жизни следующих промышленных районов: петербургском, центральном, южно-русском, Поволожьи, Урале и, наконец, Сибири.

К майскому празднику 1897 г. „Петербургским Союзом Борьбы" были выпущены две прокламации, раз'яснявшие широкой массе смысл и значение этого праздника и закреплявшие в сознании рабочих результаты борьбы. „Это не такой праздник, товарищи, о которых говорят нам в церкви попы—гордо звучало со страниц призывного листка—это не праздник смирения, покорности и молитвы: *это праздник борьбы, который рано или поздно станет праздником победы*"... „Оглянемся, товарищи,—говорится в одной из этих прокламаций,—на протекший год. Мы с гордостью можем сказать, что нам стыдиться его нечего: этим годом начинается новая пора в жизни русского рабочего класса. Этот год борьбы есть первый блеснувший луч утренней зари после долгих мрачных лет каторжного труда и скотской рабской жизни".

Целый ряд волнений и стачек, а главное две огромные стачки ткачей и прядильщиков, следовавшие одна за за другой, распространили славу о петербургских рабочих далеко за пределы России... „Эти стачки закалили нас в борьбе, доказали нам, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих, и что нам не на кого надеяться, кроме как на самих себя; мы убедились, что правительство защищает всегда лишь интересы богатых классов и только под давлением нашей упорной борьбы соглашается на уступки".

Прокламация заканчивалась призывом об'единяться и организовываться, чтобы, запасшись силами, *потребовать* себе *первых* политических прав: права устраивать стачки, собрания, союзы, а также свободы слова и печати*).

Здесь будет кстати сделать небольшое отступление и отметить одну черту, характерную не для одного только петербургского, но и вообще для всего русского социал-демократического движения.

Первые шаги его на пути массовой агитации обнаруживают робость самих руководителей движения, робость, казалось бы, неуместную для социалиста и еще менее оправдываемую всем дальнейшим ходом рабочего движения.

Выше мы перечислили требования петербургских социал-демократов, приуроченные к 1 мая 1897 года. Это, действительно, требования *только первых* политических прав, и у них не хватает самого важного, без чего и сами выставленные требования должны были терять свой смысл, — требования конституции, как гарантия гражданских прав народа от посягательства власти.

Какими бы благими намерениями ни оправдывались эти урезывания политических требований, которые социалисты обязаны внести в ряды пролетариата, как лозунг его борьбы за освобождение, они не достигали своей цели и являлись совершенно неосновательными.

Стихийный рост рабочего движения, как это, впрочем, не раз случалось впоследствии, опередил ожидания его руководителей: петербургские рабочие стали бороться за *полную* политическую свободу раньше,

*) Из прокламации „Всемирный рабочий праздник 1 мая (по нашему 18 апреля)".

чем раздались призывы социал-демократических организаций. Но эти промахи были свойственны не одному только Петербургу; в разные годы, но с несколько иной вариацией, их проделали и социал-демократы других городов. Характерным в этом отношении является признание еврейских социал-демократов. Из надписей на знаменах во время майского празднества 1895 г. („Мы боремся за 10-часовый рабочий день, за повышение платы, за лучшее обращение") видно, что руководители еще не решались выставить политические требования. Но робость их, как оказалось, была совершенно неосновательна. Политичечкая речь была приветствована всеобщим восторгом, и, благодаря ей, праздник оказал огромное влияние на рабочих, всюду возбуждая толки.

Вернемся, однако, к Петербургу. Уже одна угроза, в виде призыва к первомайскому празднеству, заставила правительство и капиталистов поспешить с уступками, и как раз накануне 1 мая на фабриках был введен сокращенный рабочий день и несколько повышена заработная плата.

В следующем году майский листок уже призвал рабочих бороться за „созыв парламента, куда народ будет посылать своих выборных людей путем общего, тайного, прямого и равного для всех выбора". Майские волнения распространяются и на Колпино, где в этом году было арестовано до 400 человек. В отдельных мастерских и даже заводах работы в этот день не производились.

Такой же характер частичного прекращения работ носило 1 мая и в следующие два года, и только в 1901 г. оно вступило на путь демонстрации. Последняя была назначена на Невском проспекте,

но не удалась, хотя на нее и явилось свыше 3.000 рабоч.: помешали огромные аресты, произведенные как раз накануне ее, и несколько неудачный план самой демонстрации. Но, несмотря на эту неудачу, майским дням этого года суждено было ознаменоваться бурными вспышками, показавшими настоящую революционную мощь петербургского пролетариата.

Уже 1 мая начались волнения на Выборгской стороне. Первыми заволновались рабочие с бумагопрядильной фабрики Чешера. К ним вскоре примкнуло до 10 других фабрик, выставив наряду с общими майскими требованиями свои частные. Появившаяся полиция вздумала было силой тащить рабочих на работу, врываясь даже в их квартиры. Но это вызвало лишь соответствующий отпор. В двух переулках было устроено нечто в роде баррикад; рабочие засели в домах и за заборами и отовсюду осыпали полицию и появившуюся ей на помощь пехоту градом камней и кирпичей. Последним пришлось не мало потрудиться, чтобы завоевать „неприятельские позиции“ и „пополнить“ упорных защитников.

В этом упорстве рабочих сказалось все затаенное недовольство и возбуждение, накопленное в течение последних лет. И несмотря на то, что стачка была сломана вмешательством полиции, а силы рабочих временно разбиты, благодаря бесчисленным арестам, революционное настроение рабочей среды не только не ослабло, но, казалось, окрепло в этой стычке, и перед отдельными участниками ее рисовались самые широкие горизонты. „Я, как услышала, что на Выборской битва,— писала об этих событиях одна работница *),— бросила работу, побежала туда; к мосту

*) Искра, № 5.

подойти нельзя было: женщин сами рабочие не пускали, я стала ждать В. на квартире, а он больше не приходил. Я уже справлялась в казарме о нем, ничего не говорят, в охране тоже... или убили его, или ранили до смерти... Другие говорили, что видели, как он был впереди, это он крикнул: „Да здравствует революция!“, и как потом упал... Вы не знаете, как мне обидно, и это одинаково всем нам, всем очень хотелось пройтись на Невский или в город, уж очень горько умирать, как собакам, в углу, чтобы никто не видал даже; это, верно, такая доля у рабочих, чтобы умирать не на людях: верно и красной смерти для них жалко... Вот что еще хотела сказать вам: хоть и очень многих у нас взяли, может их нет больше совсем, а все-таки мы твердо стоять будем. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросании работы никто стоять не будет, теперь всем нужно больше, всем на улицу хочется. В. говорит, что жаль, что знамени у них не было. Другой раз и знамя будет, и пистолетов достанут,— на камнях да на ножах далеко не уедешь, как начнут штыками колоть... Я хорошо понимаю, что это все к лучшему, и другим говорю, и многие у нас думают, что это уж к концу идет, только мне не верится: уж очень скоро...“

Так ли были настроены и остальные петербургские рабочие в этом году, показали обуховские дни. 1 мая на Обуховском заводе не работала значительная часть рабочих; в отдельных мастерских на работу вышли всего по нескольку человек, остальные же предпочитали этот день праздновать дружной семьей.

В отместку за такую солидарность администрация распорядилась уволить до 26 человек, вымещая на них

свою злобу. В особенности неистовствовал по этому поводу помощник начальника Иванов. Прибежав в одну из мастерских и увидев, что она пуста, он прямо взбесился: „А, гулять, 1 мая праздновать! — закричал он, — расчет, всем расчет!“

Но расчитать всех неявившихся (до 2.000 чел.) администвация, конечно, не решалась.

На рабочих расчет их товарищей произвел сильное впечатление. К общему недовольству своим безотрадным положением присоединилось еще новое издевательство начальства: за однодневный прогул рабочий безжалостно выбрасывался на мостовую. И это было той каплей, которая переполнила чашу терпения обуховцев. Долго сдерживаемое возбуждение прорвалось наружу с особенной силой и резкостью. Рабочие заволновались: „Братцы, — говорили они, — что же это делает Иванов? За один день прогула десяти человекам расчет дает; если ему так спустить, он еще не того захочет. Несправедливо это, братцы, гуляли ведь все, так пусть всех расчитывает, или тех обратно примет“.

— Пойдем, товариши, идем брать все расчет, идем! — слышались всюду негодующие голоса.

Этот товарищеский порыв был настолько единодушен, что к нему примкнули даже старики, прослужившие по 20—25 лет на заводе. „Что-ж, коли брать расчет, так надо, братцы, всем; на миру и смерть красна“, — говорили они и присоединились к своим молодым товарищам.

Вся восьмитысячная толпа собралась на фабричном дворе и стала требовать к себе Иванова. Последний вскоре показался и попробовал начальническим тоном прикрикнуть на рабочих:

— По местам, разойдись!

— Иванов — подлец, мерзавец! долой Иванова! было ему ответом.

— Ребятки, Обуховский завод... — заговорил Иванов, быстро меняя начальствующий тон на заискивающий.

— Подлец, долой Иванова!

— Ребятки, обуховцы! Обуховский завод работает не на продажу, а для государства, для защиты отечества.

— Подлец ты, мерзавец, — обступая его и перед самым его носом показывая кулаки, кричали рабочие.

Со двора вся толпа двинулась к выходу и высыпала на Шлиссельбургский проспект, где ее уже поджидал полициймейстер во главе конных и пеших городовых и жандармов. С полицией тотчас-же начались стычки, а к вечеру, когда к обуховцам присоединились и часть рабочих с Александровского казенного завода, и когда толпа стачечников совершенно остановила уличное движение, эти стычки перешли в кровавую битву.

Жандармы и конная стража с обнаженными шашками врезывались в толпу, но каждый раз град камней и кирпичей обращал их в бегство. Рабочие заняли двор карточной фабрики, двух-этажные флигели, и оттуда продолжали бомбардивовать полицию. Женщины, подростки и дети под выстрелами вырывали камни из мостовой и передавали взрослым рабочим.

9 часов продолжалось это сражение. Шлиссельбургский проспект представлял из себя нечто ужасное: выстрелы, стоны, крики, убитые, раненые, мостовая, залитая кровью. Число убитых и раненых

было значительно, но далеко не так велико, как можно было ожидать по числу залпов (всего было дано 10—12 залпов); стреляли, по приказу начальства, матросы и, очевидно, многие из них метили через головы: героизм рабочих и их солидарность давали себя чувствовать и этим невольным палачам.

А сцены во время этой уличной бойни были, действительно, ужасные, леденящие кровь и способные навести ужас. Мы не можем удержаться, чтобы не привести одну из них, заимствованную нами, как и кое-что другое в описании обуховской истории, из корреспонденции № 10 „Рабочего Дела".

„...Бежит раскрасневшийся, с горящими глазами и с каменьями в руках уже многим известный Панко (рабочий), а за ним бледная, растрепанная, рыдающая жена.

— Вернись, ради бога, вернись, наш ребенок...— со стоном кричала жена.

Он нагибается, берет мелкого щебня, кидает в жену со словами: „Там товарищи погибают!" и бросается в самую ожесточенную схватку, а через 5 минут он уже был убит: пуля попала ему прямо в горло. Четверо товарищей отнесли его окровавленным в больницу".

В конце концов силы рабочих были сломлены, и началась еще более дикая расправа и избиение.

Кроме того, 37 человек были преданы суду и приговорены: Гаврилов и Ермаков к каторжным работам—первый на 6, второй на 5 лет; 20 человек получили арестантские роты от 4—5 лет; 7 были приговорены к тюремному заключению и только 8 человек оправданы. Затем многие еще до суда были высланы административным порядком.

Но все эти жертвы не пропали даром. Большинство требований, выставленных обуховцами, было удовлетворено. Помощник начальника Иванов поспешил сам уйти с завода; но главное, что дали обуховские дни, это влияние их на дальнейший рост рабочего движения. В забитом рабочем проснулся герой, умеющий стойко умирать за своих товарищей.

„Просто диву даешься, — пишет по этому поводу один из очевидцев, — откуда все это только взялось? Где крылась такая сила, солидарность, самоотверженность? Люди, которых считали так себе, ни рыбой, ни мясом, — они вдруг становятся чуть ли не во главе движения, воодушевляли толпу, ставили в тупик начальство.

„А подростки, это—будущее поколение! боже мой, что они делали?! Как они бомбардировали полицию и жандармов, с каким остервенением они бросались на них. Так, например, когда ехали жандармы около бертовского завода, они подняли шлагбаум и изо всей силы опустили его им на головы, несмотря на удары нагаек".

Борьба обуховцев всколыхнула и остальных петербургских рабочих. Когда до путиловских рабочих дошел слух о том, что творится за Невской заставой, они, зная, что полиция не пропустит их городом, бросились полями, вступая в отчаянные схватки с полицией. Рабочие Семянниковского завода также пытались прорвать цепь и придти на помощь.

Такими грозными событиями ознаменовался май 1901 года в столице России. Они ясно показывали отчаянную готовность рабочих бороться грудью за свободу.

Какие настроения порождала обуховская оборона среди петербургских рабочих, которые до того обычно ограничивались выставлением только экономических требований, показывает следующий факт:

Вскоре после обуховских событий один петербургский рабочий писал своему товарищу по поводу прочитанного им номера „Искры“:

„Я многим товарищам показывал, и весь номерок истрепался, а он дорог, много дороже „Мысли“, *) хотя и нет там наших строк. Там про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь. Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень. Раньше каждая стачка была событие, а теперь каждый видит, что одна стачка — ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь уже нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой идти, как в бою воевать“.

В этом году и призывы организаций носят определенный характер.

„Товарищи,—говорится в майском листке этого года, выпущенном Петербургским „Союзом Борьбы“,— кто молчит и терпит, тот всегда останется рабом. Пусть трусы прячутся в свои норы,—мы сумеем отвоевать себе человеческие права. Мы будем требовать от правительства: *свободы собраний, свободы стачек, свободы слова и печати, неприкосновенности личности. Мы потребуем политической свободы*“.

*) Автор письма имеет в виду „Рабочую Мысль“, орган „Петербургского Союза Борьбы“, которая до 1901 г. высказывалась против политической борьбы.

Две другие, действовавшие в то время в Петербурге, организации — группа „Рабочего Знамени“ и рабочая организация „Социалист“—в своем общем листке звали рабочих на улицу заявить перед окнами „забывшихся богачей и их чиновников“ так, чтобы все слышали: „Конец бесправию и грубой силе!“ „Нам нужна новая жизнь, — говорилось в этой же прокламации, — и мы знаем, что только на началах *самоуправления, полной гражданской свободы*... может быть прочно основана наша жизнь и наше счастье“.

Еще более определенно, за что должны бороться рабочие, раз'ясняло общепартийное соц.-демократическое воззвание этого же года: „Если мы действительно хотим отдохнуть от наших страданий, мы должны начать решительную борьбу за наше освобождение от самовластия, за освобождение русского народа. Мы должны добиваться, чтобы государство управлялось, законы издавались, налоги взимались и расходовались по решению народных представителей, избранных всеми гражданами. Мы должны добиваться политических и гражданских прав: равенства всех перед законом, свободы и неприкосновенности личности, свободы слова и печати, собраний, союзов и стачек, совести и убеждений... Этих прав нам не даст правительство дворян, жандармов и капиталистов... Эти права мы лишь получим от правительства, выбранного всем народом, от открыто и свободно выбранных всей Россией представителей народа. До сих пор вы боролись под знаменем российской социал-демократической рабочей партии против хозяйского гнета на фабрике. Теперь рабочая партия зовет вас в день 1 мая, наряду с требованием

восьмичасового рабочего дня, провозгласить требование *политической свободы, созыва выборных от народа* для управления государством и контроля над министрами".

С этого года рабочее движение не только в Петербурге, но и по всей России носит ярко политический характер, а его проявления принимают всюду вид предреволюционных взрывов.

Но майский праздник, по крайней мере, в Петербурге, благодаря усиленным подготовкам администрации, чуявшей в нем угрозу своему существованию, перестает, конечно, на время быть верным показателем роста движения. Рабочее движение ищет новых путей и вскоре находит их в массовых политических стачках.

Перейдем теперь к центральному району России. 1 мая 1895 года было отпраздновано в Москве на тайном собрании, в присутствии около 200 организованных рабочих. В речах, произнесенных на этой сходке, была высказана уверенность, что русские рабочие, выступив позднее рабочих других стран на борьбу с капиталом, воспользуются примером своих заграничных собраний, преодолеют все препятствия на своем пути и скоро займут подобающее место во всемирной армии пролетариата.

Эта маевка прошла с большим успехом и закончилась пением революционных песен. Между прочим, на ней была принята резолюция о необходимости немедленно приступить к широкой массовой организации и завязке прочных связей с другими городами.

Впечатление, произведенное ею на рабочих, было также огромно: повсюду в рабочей массе оживленно

обсуждались все поднятые на местном празднике вопросы.

„Один старик-рабочий из мастерских Московско-Курской ж. д. — вспоминает один из участников этого периода работы в Москве *),—вернувшись с праздника, созвал у себя соседей и свою многочисленную семью, велел одному из своих внуков прочесть листок (сам он был неграмотный), а затем со слезами на глазах стал сравнивать этот листок с манифестом 19 февраля 1861 года, „когда царь дал волю крестьянам; но та воля только называлась волей. Ничего мы не получили: землю нашу отняли, а сами мы из крепостных помещика стали крепостными хозяина".

„Вот сегодня нас зовут самих воевать за волю, и она будет уже покрепче той, сами мы добудем ее. Я хорошо помню, как читали нам царский манифест. Порадовались мы тогда—не понимали; только такой радости, как сегодня, я не помню. Великое дело, когда понимаешь, что тебе делать нужно, чего добиваться. А мы сегодня все поняли. Наше это дело, будем стойко бороться. Пусть каждый, кто понял, скажет всем... пояснит, и другие поймут. Наше кровное это дело".

В 1896 году было положено основание „Московскому Рабочему Союзу", число членов которого стало быстро возрастать и вскоре достигло 1.000 человек. Этот союз уполномочил тов. Веру Засулич быть его представителем на одном из интернациональных конгрессов. В том же году 605 московских рабочих послали свой приветственный адрес французскому пролетариату по случаю двадцатипятилетия Парижской Коммуны. Но долго еще рабочим

*) Лядов, История Рос. соц.-дем. рабочей партии, ч. I.

организациям Москвы пришлось праздновать день 1 мая в подполье.

Как раз в Москве, благодаря широко развитой провокационной деятельности охранного отделения, в особенности знаменитого Зубатова, рабочие организации долго не могли пустить прочных корней, а это отражалось и на праздновании первого мая и только в годы первой революции.

Московский пролетариат получил, наконец возможность принять широкое участие в майском празднестве.

Другим крупным промышленным центром рассматриваемого нами района является Иваново-Вознесенск. Первый майский праздник был устроен в 1897 г. В 1901 г. рабочая организация решила устроить демонстрацию, но этому помешала усиленная охрана города.

Рабочее движение и здесь быстро шло вперед. Из Москвы и Иваново-Вознесенска оно уже перекинулось и в другие города центрально-промышленного района и во многих из них успело окрепнуть и усвоило революционные методы борьбы.

Празднование 1 мая на юге России началось также довольно рано. Крупными промышленными центрами являются здесь города: Киев, Одесса, Харьков, Николаев, Екатеринослав, Ростов на Дону. В первых двух городах деятельность соц.-демократических организаций началась ранее, чем в других; в Киеве 1 мая празднуется в тайных собраниях уже в 1894 г.

В 1897 г. в Киеве 1 мая по новому стилю прекратили работу 530 железнодорожных рабочих. Праздновали этот день и рабочие других фабрик

и заводов, но не так единодушно. В выпущенном соц.-демократической организацией листке по поводу 1 мая говорилось: „Товарищи, завтра по заграничному календарю 1 мая, завтра миллионы рабочих всего света будут праздновать великий майский праздник рабочих. Завтра, вероятно, не одна тысяча русских рабочих будет праздновать этот день. Присоединимся же и мы, киевские рабочие, ко всемирному рабочему празднику 1 мая.., Пусть каждый из нас забудем свои частные мелкие дела и проникнется мыслью, что он член общей рабочей семьи, борец за общее рабочее дело".

В Николаеве же, Екатеринославе и Ростове на Дону первые организации возникли только в конце прошлого столетия. Но, несмотря на такое позднее возникновение этих организационных ячеек, рабочее движение развивается быстрыми шагами и в некоторых отношениях даже перегоняет более раннее движение других промышленных районов.

Так, например, оно уже в 1889 г. в некоторых городах вступило на путь открытых протестов. Довольно внушительная демонстрация была устроена в этом году харьковскими рабочими, которые в количестве 1.500 человек собрались 1 мая перед казармами, где сидели арестованные студенты и приветствовали их криками „ура". В Екатеринославе в этом году и в первомайских листках и на собраниях были впервые выставлены политические требования, и екатеринославские рабочие выразили готовность бороться за политическую свободу.

Еще более блестящим проявлением молодого харьковского движения был майский праздник 1900 г.

и связанное с ним широкое стачечное движение. Еще с апреля месяца организация стала деятельно готовиться к предстоящему празднеству: были выпущены специальные майские брошюры и листки, призывавшие к забастовке и выставлению следующих требований: свободы слова и печати, участия народа в управлении страной, свободы стачек и союзов, 8-часовый рабочий день и повышение платы. Этот призыв воспламенил рабочую массу; к забастовке примкнули почти все рабочие механических заводов и часть ремесленников. Около 2.000 заводских рабочих приняли участие в демонстрации, а около железно-дорожных мастерских под открытым небом состоялся митинг, в котором приняло участие до 3.000 человек. Администрация ответила многочисленными арестами, но рабочие отказались приступить к работам, пока не будут освобождены все арестованные, и это требование было тотчас же исполнено.

Майские стачки этого года на отдельных заводах тянулись еще некоторое время и окончились частичной победой рабочих; одержать полную победу рабочим помешало страшное давление со стороны властей.

Так же быстро, как и в Харькове, идея первомайского праздника завоевывает себе симпатии рабочих в Ростове на Дону, в Екатеринославе, Николаеве и др. городах южной России. В городе Николаеве в 1899 г. местная полиция, чтобы помешать рабочим праздновать 1 мая, вызвала еврейский погром и приурочила его к 1 мая по новому стилю, не дав тем самым рабочим возможности создать задуманную ими первомайскую демонстрацию.

Начиная с 1901 г. и в особенности с 1902 г. это празднество начинает носить массовый характер; рабочие, обыкновенно, ограничиваются прекращением работ и тайными собраниями, но местами, несмотря на бдительность полиции, революционное настроение рабочих выливается и в открытые формы протеста.

Наконец, в конце XIX и в начале XX столетия празднование 1 мая широкой волной разлилось по всему Поволжью, начавшись с Саратова и распространившись вверх до Рыбинска и Твери и вниз сплошь до Астрахани. Вслед за Поволожьем заговорил пролетариат Урала от Перми до Златоуста, а за Уралом поднялась и необ'ятная Сибирь. В 1902 году очен многолюдная первомайская демонстрация состоялась в Сормове. Огромная толпа рабочих направилась по большой дороге от завода к Н.-Новгороду и шла все время с пением революционных песен. На полпути ей преградили дорогу войска, но внушительный вид демонстрантов заставил солдат как бы оторопеть и молча пропустить манифестацию.

Рабочие, однако, не дошли до Нижнего, а также стройно повернули обратно и, вернувшись к заводу, разошлись по домам. Только один знаменосец не хотел уходить домой и оставался со знаменем, пока его не окружили и не арестовали.

Пламя социализма быстро развивалось по всему лицу земли русской и успело проникнуть за последние годы перед революцией 1905 г. во все углы и дыры, где только капитализм подготовил ему почву своей алчной эксплоатацией.

Особенно наглядной иллюстрацией этому может служить рабочее движение в Сибири. Благодаря проведению железной дороги, капитализм стал быстро

развиваться в этой области: разрослись города, в особенности лежащие при железнодорожной линии, стали строиться заводы и фабрики, сконцентрировавшие вокруг себя промышленный пролетариат, который и не замедлил подняться на борьбу за свое освобождение. Если проследить по годам эту историю рабочего движения, то, напр., для Красноярска получатся следующие красноречивые цифры:

в 1897 г. была проведена железная дорога;
в 1899 г. были первые стачки рабочих;
в 1901 г. 18 апреля удачно прошла первомайская демонстрация.

Так же быстро развилось рабочее движение в Томске и Иркутске: но оно не ограничилось этими крупными центрами Сибири, и уже в 1904 г. 1 мая праздновалось в Чите и Верхнеудинске. В Томске же уже в 1903 г. удачно прошла демонстрация, в которой приняло участие до 5.000 чел. рабочих, обративших в бегство полицию и принявшихся даже осаждать участки, требуя освобождения арестованных товарищей. Вечером, кроме того, под открытым небом состоялся грандиозный митинг, который однако был разогнан войсками.

36 человек рабочих было арестовано и двое ранено, но и сама полиция понесла потери: до десятка городовых и околоточных пострадали в свалке.

Еще более окрепло рабочее движение на Урале и в Поволожье. Первомайский праздник и здесь завоевал широкие симпатии в рядах пролетариата, а в таких городах, как Саратов, Самара, Нижний-Новгород его празднование уже несколько лет тому назад было соединено с открытыми выступлениями.

Чем ближе к године революции 1905 г., тем выше поднимались волны первомайских забастовок и всякого рода протестов, тем громче и энергичней звучал призывный голос соц.-демократии, в сотнях тысяч и миллионах листков призывавшей пролетариат России протестовать против эксплоатации и рабства.

„Как? — спрашивала первомайская прокламация, выпущенная организационным комитетом с.-демократической партии в 1903 г. И сегодня также, товарищи? Сегодня, в день первого мая, также стоите вы у станка, вы, живые слуги мертвых слуг хозяина, машин? И в этот день пришли вы, измученные люди, еще не отдохнув после вчерашнего трудового дня, после многих трудовых дней? Пришли закаливать сталь для ружей, из которых в вас станут стрелять, отделывать колеса машин, которым будут служить ваши дети; пришли, чтобы сегодня, как и во многие дни вашей жизни, работать для тех, кто гнетет и порабощает вас?! И вот вы стоите за работой, бледные, вялые от полуголодной жизни, истомленные от непосильной работы!..

На улицу! На улицу зовем, товарищи! Остановите вертящиеся колеса! Тушите огонь в печах! Давайте тревожный сигнальный гудок!

„Но вы сурово склоняете свои лица над станками и уходите мыслями в работу и наполняете весенний воздух шумом хлопотливого труда. — „Уйдите, уйдите! — говорите вы нам... — мы работаем, мы работаем! Оставьте нас, мы добываем себе хлеб. Уйдите! Оставьте нас!“.

„Нет, мы не уйдем от вас, товарищи! Разве вы не чувствуете, как крепнут ваши силы от того, что за сотни и тысячи верст борются неведомые вам

братья. Они родились под чужим небом, они говорят чужим вам языком, они живут по своим, непохожим на ваши, обычаям. Но они рабочие. Они чувствуют, как и вы, тяготу своей жизни. И вот исчезают эти сотни и тысячи верст, как будто падают перегородки разных стран, и вы, рабочие всех стран, мыслите одними мыслями, живете одним чувством, одним могучим криком требуете лучшей жизни! Сегодня наш рабочий праздник, праздник борьбы... Кто не выходит сегодня бороться, тот изменяет делу борьбы. Каждая страна выступает на перекличке и говорит: „я здесь!" И разве, когда назовут имя России, она ответит молчанием? Так станем же в ряды!... На улицу, товарищи!"

И из года в год все шире и шире по России разливается этот призывный первомайский клич и все из большего числа мест он находил бодрый отклик борющегося пролетариата необ'ятной страны.

В 1900 г. демонстрации и маевки насчитывались в России только единицами. В 1901 г. уже одних только наиболее крупных демонстраций и празднований 1 мая в промышленных центрах было 18. В 1902 г. первое мая праздновалось уже в 36 городах; листки и прокламации одними центральными органами с.-д. партии издавались в сотнях тысяч. В 1903 г. празднество происходило в 63 пунктах; листки и брошюры были распространены уже в миллионах экземпляров.

1904 год, благодаря начавшейся войне с Японией, несколько понизил темп развития рабочего движения в России и отразился и на праздновании первого мая, но все же оно происходило в 77 городах и местечках, проникая в самые захолустные места.

Зато тем дружней волна политических стачек и демонстраций поднялась в революционный 1905 год, охватив по меньшей мере 136 пунктов, о которых сохранились описания в легальной и нелегальной печати того времени.

Могучими волнами разлилось тогда впервые это празднование по всей стране, не взирая на то, что самодержавие мобилизовало все свои силы, так как понимало, что решается вопрос о его собственной жизни и смерти. Свирепее всего оно расправилось в этот день с демонстрантами на окраинах России, в особенности в Варшаве.

Первомайская стачка в Варшаве в этом году прошла изумительно дружно: „не было буквально ни одного работающего человека, не было ни извозчиков, ни трамваев, даже носильщики, мелкие разносчики отдыхали, дворники сняли свои бляхи. На улицах чувствовалось, что это был наш праздник“, — так описывал варшавские настроения в день первого мая 1905 года корреспондент „Последних известий“.

Когда же на Иерусалимской аллее появилась десятитысячная толпа демонстрантов, шедших с красными знаменами и революционными песнями, на них налетели казаки и без всяких предупреждений дали ряд залпов, а затем принялись стрелять и рубить без разбора всех, кто попадался под руку, давя лошадьми лежащих и раненых. Общее количество жертв было огромно и исчислялось сотнями.

Такими же крупными демонстрациями и столкновениями с полицией, хотя и с меньшим количеством жертв, ознаменовались первомайские дни 1905 года во Владивостоке, Батуме, Гродне, Екатеринославе, Ревеле, Ростове на Дону и Уфе.

Во многих местах, чтобы не дать администрации подготовиться к избиению демонстрантов, соц.-демократические организации переносили это празднество либо на последние числа апреля, либо на первые числа мая.

В Москве, Петербурге и Харькове демонстраций организовать не удалось и пришлось ограничиться лишь устройством рабочих митингов в разных частях города. Всеобщего прекращения работ 1 мая также удалось достигнуть лишь в немногих городах, но общая масса пролетариата, принимавшая участие в первомайских забастовках по всей России, все же была весьма внушительна.

Показательным также было и то, что в этих выступлениях начали принимать участие самые отсталые слои рабочего класса, и не только в крупных городах, но даже в деревенской глуши. Так было, например, в Тверской губ., где фабричное население, разбросанное по мелким деревенским фабрикам, откликнулось на призывы организаций и не только прекращало в назначенный день работу, но и организовало демонстративное шествие.

1906 год отразил на себе результаты декабрьского поражения пролетариата и начинавшейся реакции.

Празднование первого мая продолжало оставаться массовым, и этот день праздновался всей Россией; но уже сказалось начало реакции, сказалась усталость пролетариата от того колоссального напряжения сил, которое было им проявлено за предшествовавшие полтора года революции. Все же почти во всех крупных промышленных центрах и во многих даже маленьких городишках этот день был отпразднован

пролетариатом в 1906 г. с поразительным единодушием. Правда, рабочие почти повсюду ограничивались прекращением работ, воздерживаясь от устройства специальных демонстраций, но первомайская забастовка повсюду проходила так единодушно, что сама по себе представляла внушительную демонстрацию революционности рабочих масс и мобилизации пролетариатом своих сил.

Всеобщие стачки были: в Варшаве, Лодзи и др. городах фабричного района Польши. В Ковне забастовали все фабрики, заводы, мастерские и типографии. Удачно прошли забастовки в Белостоке, Вильне, Двинске, Сморгони. В Риге забастовка прошла почти на всех крупных фабриках. Забастовки, носившие крупный, почти всеобщий характер, происходили в Астрахани, Армавире, Брянске, Баку, Владикавказе, Воронеже, Екатеринославе, Елисаветграде, Костроме, Киеве, Полтаве, Пензе, Рязани, Ростове и Сумах.

Частичные забастовки имели место в Казани, Минске, Туле и многих других городах. В Севастополе в этот день солдаты и матросы послали привет международному Социалистическому Бюро. В Петрограде, под влиянием общей усталости рабочих, первомайская забастовка, хотя и не носила характера всеобщей, но происходила на 500 предприятиях, с общим количеством участвующих свыше 100.000 ч. Забастовка прошла довольно дружно; в большинстве случаев на фабриках и заводах были организованы митинги, на рабочих окраинах состоялось несколько демонстраций. Угрюмо молчали пустые корпуса петербургских фабрик, от которых как будто отлетела их обычная жизнь; рабочие стекались на митинги и собрания, где раздавались вдохновенные речи

о значении рабочего праздника, международной солидарности рабочих, об очередных задачах рабочего движения в России и необходимости организовываться для дальнейшей борьбы.

В Москве под влиянием декабрьских событий, обескровивших пролетарские организации, торжествовавшая реакция решила майского торжества не допускать, и в день 1 мая московским генерал-губернатором был отдан приказ стрелять при малейшей попытке устроить демонстрацию. Но, несмотря на все приготовления и запреты в Москве, в 1906 г. бастовало 58.000 рабочих металлистов и все типографии. На окраинах были митинги и кое-где за городом маевки.

В 1907 году реакция успела еще глубже пустить свои корни, убивая широкое проявление революционности рабочих масс. В этом году празднование 1 мая происходило частично в разных городах, но нигде не подымалось выше разрозненных забастовок. А затем наступили годы открытой реакции, торжествовавшей свою победу над революцией.

В 1908 году выделилась только забастовка на юге России, где в этот день бастовало свыше 50.000 раб. Юзовского района.

В 1909, 1910 и 1911 годах празднование первого мая носит еще более разрозненный характер отдельных выступлений и забастовок. В эти три года реакция настолько овладела страной, что охранка получила возможность систематически срывать первомайские выступления и стачки путем разгрома соц.-демократических организаций массовыми арестами и высылками. В 1911 году майский праздник был настолько бледен, что о нем совершенно не было отчета

в рабочей прессе. А Николай II имел в этот день возможность свободно разгуливать по улицам своей столицы, демонстрируя этим перед Европой царящее в России спокойствие.

Зато в 1912 году сразу сказался под'ем рабочего движения, и в связи с этим 1 мая было довольно удачно и дружно отпраздновано во многих городах.

Забастовки происходили в Москве, Петербурге, Риге, Киеве, Одессе, Харькове, Херсоне, Варшаве, Люблине, Саратове, Томске, Архангельске и др. городах. Число участвовавших по всей России в первомайской забастовке определяется приблизительно в 170.000 человек. Рабочие Петербурга в эти дни выходили из фабрик и заводов с красными знаменами и революционным пением и пытались устроить ряд манифестаций на Невском, Гороховой ул. и Петербургской стороне, но мобилизованная полиция быстро рассеивала демонстрантов.

Но зато все попытки предпринимателей не допускать празднования приводили только к обратным результатам; угрозы расчетами и штрафами не останавливали рабочих принять участие в майской забастовке. Так, С.-Петербургское общество фабрикантов и заводчиков первоначально заявило, что „все участники майской стачки будут расчитаны и впредь ни на один завод не приняты". Когда же в праздновании 1 мая в Петербурге приняла участие значительная часть пролетариата, так что приведение в исполнение этой угрозы было бы равносильно закрытию большинства фабрик и заводов, общество фабрикантов и заводчиков решило наложить на всех рабочих и работниц, принимавших участие в майской стачке, штраф.

Но наложение этих штрафов вызвало со стороны рабочих целый ряд ответных стачек с требованием снятия штрафа.

Особенным упорством отличалась борьба рабочих на ряде заводов за Московской заставой.

Благодаря малой организованности, рабочие не всегда выходили победителями из этой борьбы, но урок этот не прошел бесследно, и всюду, вслед за поражением, шло сознание рабочими всей трудности борьбы с об'единенным капиталом и возникло стремление создать или упрочить свои собственные профессиональные организации.

В 1913 году 1 мая праздновалось с еще большим под'емом. На этот раз в одном Петербурге бастовало свыше 220.000 рабочих. Забаставка прошла дружно, сопровождаясь демонстрациями и митингами.

Крупные забастовки происходили также в Риге (46 тысяч), в Москве (40 тысяч), в Закавказье (86 т.) и т. д. В этом году по всей России бастовало около полумиллиона рабочих.

Перед первым мая 1914 года волны рабочего прибоя стали подниматься еще выше. Полицией были приняты небывалые меры пресечения. Ежедневно из разных городов получались сообщения об арестах и обысках. Делались налеты на собрания рабочих, захватывались листки партийных организаций и тем не менее забастовочная волна поднялась в этом году так высоко, что заставила трепетать всех врагов рабочего класса.

В Пет-ге бастовало: 280 т., в Закавказье—86 т., в Риге—44 т., в Москве—40 т., в Ревеле—16 т., в Харькове—15 т., в Нижнем и в Сормове—9 т., в Николаеве 8 т., в Твери—8 т., в Перми—8 т.,

в Киеве — 5 т., в Одессе — 5 т., в Самаре — 2 т. и т. д. Общее количество бастовавших в день первого мая в этом году, по далеко неполным сведениям, исчисляется в 500 с лишком тыс. человек.

Разразившаяся во второй половине 1914 года империалистическая война резко оборвала дальнейший рост революционных выступлений русского пролетариата. Помимо мобилизаций, вырывавших из рядов рабочего класса весь его цвет и бросавших сотни тысяч пролетариев в жертву кровавому Молоху войны, еще более губительно на настроение пролетарских масс должен был действовать тот идейный разброд, который внесла война в ряды борющегося мирового пролетариата.

Вместо об'явления „войны войне", как того требовали наиболее последовательные защитники международной солидарности пролетариата, руководящая партия II Интернационала — германская соц.-демократия — нео жиданно предложила немецкому пролетариату — „в виду особых условий, отказаться от прекращения работ в день первого мая".

Можно считать, что в большинстве европейских стран, втянутых в мировую бойню, этот идейный разброд привел к тому, что в 1915 году празднование 1 мая не проводилось и оно его оказалось сорванным благодаря оппортунизму вождей.

Правда, в следующем году рабочие массы Западной Европы стали уже пробуждаться от шовинистического угара, созданного империалистической войной, и празднование 1 мая возродилось вновь, но раскол, внесенный предыдущей изменой заветам Интернационала, остается неизжитым и до сих пор.

Одними из первых соц.-демократов, поднявшими знамя борьбы против шовинистических настроений рабочих масс и оппортунизма их вождей, были представители русской соц.-демократии во главе с Влад. Лениным, а в Германии — К. Либкнехт, Р. Люксембург и Ф. Меринг.

В России в 1915 году количество первомайских забастовок также резко сократилось, и самый праздник прошел весьма бледно по сравнению с предыдущим годом. В этом году в Петербурге бастовало всего лишь 35.000 человек, в Москве же, согласно свидетельства московского градоначальника, еще того меньше — всего 10.000 рабочих.

Но первомайские листки, выпущенные к этому дню соц.-демократическими организациями, свидетельствовали, что лозунги пролетарской солидарности и единения рабочих всех стран, ими не забыты.

„Мы громче прежнего, гласил первомайский листок, выпущенный московской группой Рос. С.-Дем. Раб. П., должны провозгласить свои старые, но вечно новые лозунги. Пусть услышит их зарвавшаяся буржуазия! Пусть узнает, что российский пролетариат не изменил, а остался верен своей старой борьбе, своим принципам и лозунгам! Довольно братской крови! Долой войну! Долой царскую монархию!“

Первомайский листок Петербургского Комитета говорил о том, что „день 1 мая глубже сознавал каждый пролетарий, что залог пролетарской победы—крепкая международная солидарность и неизменная верность пролетарским лозунгам. С прежней верой в победу со старыми испытанными лозунгами, с прежней силой, российский пролетариат должен праздновать 1 мая. Долой войну! Да здравствует 2-я российская революция“!

В 1916 году царское правительство настолько энергично подготовилось к 1 мая, что почти повсеместно массовыми арестами, разгромом организаций сорвало празднование и разрушило подготовительную работу, но все же в Москве были частичные забастовки в день 1 мая, а в Киеве, Саратове и некоторых других городах выпускались от имени соц.-демократии прокламации с лозунгами: „Долой империалистическую войну!“ „Да здравствует международный социализм!“

В 1917 году, т. е. через два месяца после февральской революции, в день первого мая на улицу вышли все классы населения России, только что сбросившей деспотизм, празднуя освобождение от самодержавия. В этом году пролетарский праздник являлся праздником „всех“, т. е. это был общенародный, не классовый праздник, в котором приняли участие даже лидеры самых правых буржуазных партий.

Этой демонстрацией „национального об'единения“ буржуазия попыталась было затуманить классовый смысл 1 мая, афишируя его „общенародность“. Но соц.-демократия не поддалась на удочку; в ее воззваниях, широко распространившихся в этот день, говорилось: „В день первого мая мы даем обет бороться, не покладая рук, до того момента, когда будет положен конец всему капиталистическому строю — этому строю насилия и эксплоатации“.

Зато 1 мая 1918 года, когда русский пролетариат, прошедший через Октябрьскую революции, резко отмежевался от всех других общественных группировок, 1 мая стало праздником победы и смотром боевых сил пролетариата. Воззвание ВЦИК'а звало

эти силы к дальнейшей борьбе. „Мы должны создать свою мощную армию, Красную армию трудовых масс... Все в ряды, все под ружье! Пусть трубным кличем прозвучат наши призывы в день 1 мая. Пролетарии всех стран, соединяйтесь, вступайте в решительный бой!“

1919 год был годом наивысшего под'ема рабочего движения на Западе и в то же время годом раскола II Интернационала.

Наряду со II Интернационалом, продолжавшим руководить выступлениями большинства европейского пролетариата, организовался и стал формироваться III Коммунистический Интернационал. Принимая на себя руководство международной борьбой рабочего класса, III Интернационал в день первого мая обратился „к трудящимся всего мира“ со следующим воззванием: „В какой обстановке встречаем мы первую маевку после окончания империалистической войны? Во всей Европе дымятся развалины, миллионы пролетарских детей чахнут от голода. Хлеба нет нигде, ибо четыре года люди, вместо того, чтобы возделывать поля, убивают друг друга по указке кучки рабовладельцев. ...Начинается штурм. Пожар пролетарской революции полыхает по всей Европе с неудержимой силой. ...Пусть на улицах всех-европейских столиц 1-го мая 1919 года покажутся многочисленные баталионы пролетарской гвардии... Вооружение рабочих, разоружение буржуазии — таков лозунг дня“.

Советская Россия в этом году была окружена блокадой международного империализма и сжата тисками наступавших со всех сторон белых и черных банд.

Из сплошного кольца блокады на запад неслись призывы к восстанию, к революции и находили горячий отклик в сердцах европейского пролетариата.

„Да здравствует Россия!“ „Да здравствуют Советы!“ „Руки прочь от Советской России!“ — эти требования капиталистам всех стран грозно раздавались на всех первомайских демонстрациях в ответ на попытки международной буржуазии задушить Советскую Россию.

Подавляющее большинство русского пролетариата праздновало первое мая 1919 года под знаменем III Интернационала.

Первое мая 1920—21 г.г. застало русский пролетариат победителем на фронтах гражданской войны. Наступившая передышка помогла перебросить силы на внутренний фронт на борьбу с разрухой. Под этими лозунгами и проходило празднование 1 мая 1920 года.

Первомайский праздник явился днем праздничного труда, когда вся трудящаяся Россия вышла на общественные работы. „Мы будем работать, писал по этому поводу В. И. Ленин, — чтобы вытравить проклятое правило: „каждый за себя, один бог за всех“, чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью... Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание привычку, во вседневный обиход масс правило: „все за одного, один за всех“.

„Тысячелетиями, — говорило воззвание ЦКРКП, — работали мы на чужой карман и научились ненавидеть и проклинать этот рабский труд. Теперь мы работаем на себя, на укрепление своего рабоче-крестьянского государства, на улучшение положения всех трудящихся.

И российский пролетариат ознаменовал этот день не шествиями и речами, но борьбой на фронте разрухи, с лопатой, молотом и киркой в руках.

Таково содержание 1 мая 1920 года. Содержание всех последующих первомайских празднований определялось и складывалось соответственно обстановке

и задачам данного момента. Внешне же они выливались в грандиозные шествия с музыкой, песнями, под сенью бесконечного леса знамен...

Были попытки за эти годы придать первомайскому выступлению российского пролетариата характер массового действия в инсценировке определенных сюжетов. Делались попытки создать особую музыку для рабочих баталионов — симфонию фабричных гудков.

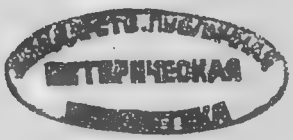
Это свидетельствует о том, что ставший у власти пролетариат ищет новых форм проявления своей воли и настроений в день первого мая. В странах, где власть продолжает находиться в руках буржуазии, первомайская демонстрация пролетариатом его организованности и готовности к борьбе является единственно возможным способом выражения этих настроений. Там же, где власть буржуазии уже свергнута, чувствуется, что одних манифестаций недостаточно. Творческая воля пролетариата пока еще делает попытки найти нечто новое, что могло бы одухотворить этот праздник, и она несомненно его найдет.

Одной из многих возможностей дать выход этим настроениям пролетариата Союза ССР была бы такая организация 1 мая, когда, в результате ежегодного праздника, руками миллионов его участников каждый раз созидалось бы нечто нужное и реальное, являющееся живым свидетельством творчества масс. При этом нет надобности наполнять весь день трудом; наоборот, необходимо так организовать участие в общем деле всех, чтобы из небольших усилий каждого участника вырастало нечто большое и нужное.

Существует предание, что, когда 600.000 армия Наполеона вступала в пределы России, каждый солдат

приносил к ногам этого полководца только одну горсть земли, и из этих горстей вырос огромный холм на берегу р. Немана.

Если бы каждый из участников первомайских выступлений в промышленных центрах Союза положил по одному кирпичу или посадил по одному дереву, сказочно создались бы огромные дворцы и парки, живые свидетели творческой воли рабочих масс...



КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

Правление, базисный склад—Харьков, ул. Своб. Академии 5, тел. 10—07.
Московское отделение—Петровские линии 1/20, тел. 3-01-99.

ВЫШЛИ из ПЕЧАТИ:

Н. Ленин—Пролетарская революция и хозяйственное строительство 1 р. 25 к.
Д. Мануильский – Большевизация Компартий . . . . . 15 к.
Э. Квиринг—Ленин и крестьянство, 4-е изд. . . . . к.
В. Смушков—Экономическая политика СССР . . . . . 1 р. 45 к.
И. Дашковский—Рынок и цена в современном хозяйстве . 1 р. 10 к.
„ —Ленин и аграрный вопрос . . . . . 25 к.
С. Семковский—Марксизм и ленинизм . . . . . 1 р. 20 к.
В. Рожицын—Святая пасха . . . . . 25 к.
„ —Умирающий бог . . . . . 1 р. 10 к.
Габриэль Девилль—„Капитал“ Карла Маркса, 2-е изд. . . 90 к.
Т. Шевченко—Дневник, Комментарии и примечания тов. Айзенштока 2 р. 20 к.
Дж. Ф. Хоррабин—Экономическая география мира. . . . 70 к.
А. Мартынов—РКП и деревня . . . . . 15 к.
А. Хевеш—Ревизионизм в аграрном вопросе . . . . . 20 к
Вл. Виленский-Сибиряков—Сунь-Ят-сен . . . . . .
Проф. Хотинский—Популярный очерк органической химии. 2-ое изд. 45 к.
Дикштейн—Кто чем живет . . . . . 15 к.
Эптон Синклер—Школа в Америке . . . . . 55 к.
Уэллс—Когда спящий проснется . . . . . 60 к.
А. Слободской—Среди эмиграции (мои воспоминания) Киев—Константинополь, 1918—1922 г.г. . . . . 80 к.
Как и почему Исполком Коминтерна распустил УКП. . . 75 к.

Издания Юношеского Сектора:

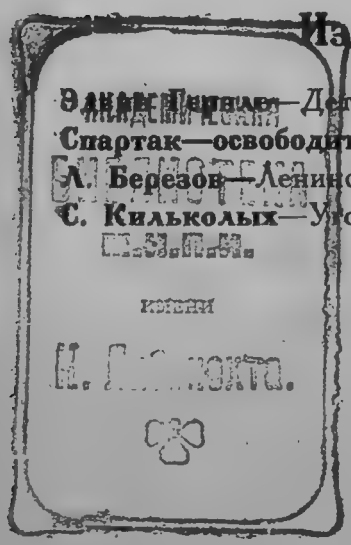
Программа и Устав РЛКСМ и Ленин—Задачи Комсомола . 12 к.
Законы о труде рабочей молодежи . . . . . 1 р. —
В. Лукин—Профсоюзы и Комсомол . . . . . 17 к.
Истомол—Молодежь и 1905 год . . . . . 35 к.
Весенний учет политических знаний комсомольца (материалы) 14 к.

НАХОДЯТСЯ в ПЕЧАТИ:

И. Ленин—О печати.
„ —Первое мая в России.
Л. Каменев—Великий мятежник.
А. Луначарский—Воспоминания из революционного прошлого.
А. Ельницкий—История рабочего движения в России.
Первое мая—сборник статей.
Как работал Ленин.
В. Невский—Праздники христи нские и рабоче-крестьянские.
Ф. Меринг—Очерки по истории войны и военного искусства.
Макс Бер—Современная Англия.
А. Мартынов—Крестьянский вопрос.
Отто Бауэр—История Австрийской революции.
В. Рыжков—Современная теория наследственности.
Поль Луи—Закат буржуазного общества.
Программа и устав РКП.
Епископ Вильям М. Браун—Коммунизм и христианство.
С. Слуцкина—Политграмота, пособие для совпартшкол, школ политграмоты и кружков по ленинизму, составленное по заданию и под редакцией ЦК КП(б)У.
П. Колесников—Рабочее профдвижение.
Проф. Хотинский—Что каждому следует знать по химии, 2-е изд.
Арк. А-н.—Шарль Фурье, 2-е изд.
С. Стрельбицкий—Методы научения.
Проф. Соболев—Очерки финансовой науки.
Вл. Лаврентьев—Заработная плата в России прежде и теперь (при капитализме и при диктатуре пролетариата).
В. Броун—Франция последнего десятилетия.
М Баскин и М. Чудновцев—Систематическая хрестоматия по марксизму.

Издания Юношеского Сектора:

Эдвин Гепале—Детское Коммунистическое движение.
Спартак—освободитель рабов.
Л. Березов—Ленинский Комсомол и фабзавуч.
С. Кильколых—Уголок юного пионера в Комсомольском Клубе.



---

cgo 1052
2188

ЦЕНА 28 КОП.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10—67.

Москва, Петровские линии 1/20. Тел. 5—01—99.